УДК 639.2.058

Елена Валерьевна Смирнова
Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет, кандидат биологических наук, доцент кафедры «Водные биоресурсы и аквакультура», Россия, Владивосток, e-mail: smirnova.ev@dgtru.ru

Правила рыболовства в российских водах дальневосточных морей в начальный период освоения биоресурсов

Аннотация. Проанализирована эволюция методов регулирования вылова водных биоресурсов дальневосточных морей России в конце XIX – начале XX в. Выяснено, что попытки контроля состояния запасов водных биоресурсов с целью их рациональной эксплуатации предпринимались с начала развития рыбной промышленности. Охранные меры носили первоначально фискальный, затем превентивный характер. К 1910 г. обозначился рациональный предосторожный подход к запасам. Сформировалась структура органов рыбоохраны, способная обеспечить контроль соблюдения Правил рыболовства.

Ключевые слова: биоресурсы дальневосточных морей, контроль рыболовства, промысловая мера, лососи, сельдь, трепанг.

Elena V. Smirnova
Far Eastern State Technical Fisheries University, PhD in biological science, associate professor of the department water bioresources and aquaculture, Russia, Vladivostok, e-mail: smirnova.ev@dgtru.ru

Fishing rules in the Russian waters of the far eastern seas in the initial period of the development of biological resources

Abstract. The paper analyzes the evolution of methods for the catch regulating of aquatic biological resources in the Far Eastern seas of Russia in the late 19th and early 20th centuries. It was found that attempts to control the state of aquatic biological resources with the aim of their rational exploitation have been undertaken since the beginning of the development of the fishing industry. The protective measures were initially of a fiscal, then of a preventive nature. Rational precautionary approach to stocks emerged to 1910. The structure of the fishery protection bodies has been formed, capable of ensuring control over the observance of the Fishing Rules.

Keywords: biological resources of the Far Eastern seas, fisheries control, catching measure, salmon, herring, trepan.

Морские биоресурсы дальневосточных морей эксплуатировались в течение столетий, задолго до появления европейцев на берегах Тихого океана. Для местных жителей прибрежной зоны северо-западной части Тихого океана добыча лососей, сардины иваси, сайры и других массовых видов рыб, а также морских млекопитающих являлась основой традиционного природопользования. На северо-западном побережье Японского моря был развит сезонный промысел трепанга и ламинарии, осуществлявшийся китайскими добытчиками. Объем вылова сдерживался примитивностью орудий и способов лова. С конца 80-х гг. XIX в. нагрузка на

ресурсы дальневосточных морей усилилась вследствие развития рыбной промышленности Японии.

История конвенционного рыболовства в водах Дальнего Востока изучена достаточно хорошо [14, 19]. Опубликованы научные статьи, посвященные истории борьбы с браконьерским промыслом морских млекопитающих в северо-западной части Тихого океана [13, 17].

Цель данной работы – анализ формирования биологических обоснований при разработке природоохранных мер в Дальневосточном морском бассейне.

Материалы, положенные в основу работы, были собраны автором на основании сведений, содержащихся в архивных документах Российского государственного архива Дальнего Востока, Приморского архива Дальнего Востока, библиотечном фонде Общества изучения Амурского края (ОИАК) и филиала ВНИРО (ТИНРО).

В Японии система контроля рыболовства возникла в 70-х гг. XIX в. При этом политика бережного отношения к собственным ресурсам сочеталась с поощрением рыболовства в «дальних», иными словами, российских водах. Для изучения промысловых видов при Токийском университете была создана биологическая станция. Участки, перспективные в отношении промысла, правительство раздало в бессрочную аренду рыболовецким артелям. Правила рыболовства запрещали лов тихоокеанских лососей ставными неводами и на нерестилищах, строго ограничивали расстояния между сетями и от устьев рек до мест промысла; запрещалось использовать острогу при добыче трепанга; при сборе ламинарии часть слоевищ полагалось оставлять в качестве маточных [26].

До 90-х гг. XIX в. добыча в промышленных масштабах велась только на Сахалине, позже стало эксплуатироваться материковое побережье Приморья. Первоначально японские рыбопромышленники скупали кету у местных жителей, затем стали добывать кету, горбушу и сельдь, используя запрещенные в своей стране методы. Из добытой рыбы получали низкосортную продукцию, но промысел был выгоден благодаря большим объемам вылова [15].

Первые Правила рыболовства в Дальневосточном регионе были разработаны для контроля за иностранным промыслом рыбы со стороны России в 1880 г. для вод Сахалина. Устанавливались размеры пошлины, взимаемой за вывоз рыбной продукции (тук, кета «сухого посола»). Правила были составлены при совершенном незнании реальной ситуации. На практике они не соблюдались из-за полного отсутствия контроля и размеров пошлины, превышавшей стоимость продукции [22]. С 1883 г. японцам был запрещен промысел в зал. Терпения, так как вылов рыбы в устьях рек вызвал голод среди местного населения.

Вторые временные правила, аналогичные для Сахалина и Приморской области, были изданы в 1885 г. В соответствии с ними размеры пошлины были снижены на порядок. В 1890 г. вошли в действие третьи правила, составленные по проекту начальника о. Сахалин генерал-майора Кононовича. Этими правилами расширялись районы, запретные для промысла. Лов лососевых запрещался вблизи устьев тех рек, в верховьях которых располагались поселения. У населенных пунктов запрещался лов сельди, поскольку производство тука отрицательно сказывалось на экологической обстановке в районах промысла – по терминологии того времени «воздух заражался миазмами». Впервые устанавливалась ответственность за нарушения правил ведения промысла [32, ф. 702, о. 2, д. 49].

Имеющиеся недочеты были учтены при подготовке новой редакции Правил рыболовства (четвертые по счету), которые действовали с 1895 г. по 1898 г. Была введена система аренды отдельных участков побережья и прилегающей акватории по аналогии с системой, практиковавшейся в Японии [26]. Список рыболовных участков объявлялся администрацией Приморской области. Администрация оставляла за собой право запрещать промысел в случае необходимости. Предлагаемые в аренду на год участки продавались с торгов. Помимо платы за аренду рыбаки платили пошлину с 1 пуда готового продукта, а также пошлину за использование леса на изготовление шлюпок и в качестве топлива (дрова). Вводились правила лова

морской капусты и трепанга, запрещался лов лососевых в предустьевых участках рек «снастями, препятствующими ходу рыбы» [6]. Хищническим, т.е. браконьерским, признавался лов без разрешительного билета или запрещенными орудиями лова. В случае обнаружения «хищников» (именно так совершенно официально называли браконьеров) вся их добыча и снаряжение подлежали конфискации. Конфискованное имущество продавали с аукциона, деньги поступали в казну.

В 1893 г. «для исключительного контролирования морских промыслов» [26] было учреждено Островное лесничество. В задачу лесничего входил сбор пошлины с рыболовецких артелей и наблюдение за соблюдением Правил рыболовства на побережье и вокруг островов. В распоряжение островного лесничего поступила парусная шхуна «Сторож» под командованием шкипера Гека и несколько казаков-егерей. За летнюю навигацию шхуна «Сторож» успевала 2–3 раза обойти залив Петра Великого и с заходами в бухты, где велся промысел, пройти до Императорской (Советской) Гавани [16].

Принятые меры позволяли местной администрации эпизодически контролировать промыслы, но этот контроль осуществлялся исключительно с фискальной целью. Ограничения на лов лососевых вводились для обеспечения стабильных уловов в среднем и верхнем течении рек.

В связи с уменьшением в конце XIX в. уловов в Волжско-Каспийском рыболовецком районе России в Японии, на тихоокеанском побережье США русских промышленников и ученых стала беспокоить вероятность истощения природных ресурсов Дальнего Востока.

В 1897 г. было создано Приамурское управление рыбными промыслами Министерства земледелия и государственных имуществ, в задачу которого входила охрана и изучение промысловых видов дальневосточных морей. В.К. Бражников и М.С. Веденский – первые заведующие рыбными промыслами, провели рекогносцировочное обследование низовьев Амура, побережий Сахалина и Камчатки. Полученные сведения легли в основу проекта очередных временных правил, утвержденных в 1899 г. Разработка этих правил преследовала уже иные цели – обеспечение режима наибольшего благоприятствования для русских рыбопромышленников и «охраны рыбных запасов от истощения» [32, ф. 702., о. 2, д. л. 2–10]. По документам хорошо прослеживается опасение, что эксплуатация видов, биология которых не изучена, может привести к их быстрому уничтожению. Отклонялись ходатайства о сдаче в аренду участков в неисследованных районах и в местах, которые не могли контролировать органы рыбоохраны [32, ф. 702, о. 2, д. 190, л. 409–412]. Вводились жесткие ограничения на характеристики орудий лова, размеры и расстояния между ними. Производство тука из всех видов рыб, кроме сельди, и из морских беспозвоночных строжайше запрещалось. Запрет вводился с целью охраны тихоокеанских лососей и так называемых фуражных видов, «не имеющих промысловой ценности, но играющих огромную роль в жизни собственно промысловых видов, являясь, посредственно или непосредственно, пищевым материалом» [32, ф. 702, о. 2, д. 190, л. 410]. В правила был включен пункт о заповедных местах и запрещенных сроках лова. Администрация Приморской области оставляла за собой право объявлять заповедными любые районы на любые сроки, в случае если ученые укажут на необходимость таких действий.

В 1901 г. в Правила был внесен пункт, впервые ограничивавший размерный состав промысловых животных – запрещался лов неполовозрелых осетровых [8]. Одновременно, по опыту Волжско-Каспийского района, запрещалась скупка и продажа осетров, размеры которых меньше указанных в правилах. «Временные положения о рыболовстве в территориальных водах Приморской области», утвержденные в 1901 г., оставались в силе до 1911 г.

После русско-японской войны и заключения в 1907 г. Портсмутского соглашения охрана водных ресурсов Дальнего Востока стала делом политическим. Заключение этого соглашения имело как минусы, так и некоторые плюсы. В соответствии с рыболовной конвенцией

японцам предоставлялось право лова в открытых водах российского тихоокеанского побережья наравне с русскими подданными [14, 15]. Соответственно, японские рыбаки обязаны были, по крайней мере, в теории подчиняться российским правилам рыболовства [1]. Из действия конвенции исключались закрытые бухты и заливы, предустьевые участки рек. Японские рыбаки вынуждены были прекратить промысел в зал. Петра Великого и начали интенсивно развивать морское рыболовство [19].

Министерство государственных имуществ и земледелия выделило суда и средства на охрану морского побережья от «японских хищников». Исключительно для этих целей были построены охранные крейсеры «Командор Беринг» и «Лейтенант Дадымов». Заведующий Приамурским отделом В.К. Бражников настаивал на том, что для нормальной работы на такой огромной акватории (от корейской границы до Командорских островов) необходимо как минимум 10 судов [1].

Для охраны каланов и котиковых лежбищ на побережье Камчатки и Командорских островах, начиная с 1885 г., направлялись военные суда [32, ф. 702, о. 2, д. 31]. До русско-японской войны капитаны судов утверждали, что эта деятельность отвлекает их от выполнения важных стратегических задач [1]. Суда появлялись в командорских водах, в лучшем случае, раз в навигацию. После поражения в войне русские крейсеры и канонирские лодки стали гоняться за японскими шхунами с большим азартом [32, ф. 702, о. 2, д. 229]. Эффективность охранных мероприятий на море была незначительна. Причина вечная – недостаточное финансирование окраин.

Российская служба рыбоохраны функционировала 30 лет, в том числе и в период полного отсутствия государственной власти на Дальнем Востоке [30, 22, 23].

Российский закон об охоте 1892 г. разрешал неограниченный круглогодичный отстрел «вредных» зверей – например, тигров, леопардов, волков. Считалось, что увеличение количества дичи возможно только путем уничтожения хищников [2]. Такая политика поставила «вне закона» тюленей и дельфинов, поскольку, как считалось, они уничтожают огромное количество рыбы – «нарушают правильность хода лососей» и тем самым препятствуют развитию рыболовства. На Дальнем Востоке с 1912 г. поощрялся отстрел ларги и белух около устьев рек [10].

Тем не менее лица, причастные к охране водных ресурсов, четко осознавали необходимость изучения биологии и экологии промысловых видов. Многие годы члены Общества изучения Амурского края (ОИАК) добивались создания во Владивостоке морской биологической станции, ходатайствовали о проведении в дальневосточных морях экспедиции первого русского научно-исследовательского судна «Андрей Первозванный» (после революции – «Персей»). Эти ходатайства получили, к сожалению, только моральную поддержку со стороны правительства [32, ф. 702, о. 2, д. 214].

К началу XX в. основы рационального подхода к эксплуатации водных организмов только начали закладываться. Крупнейший российский ихтиолог Петр Юльевич Шмидт считал необходимым признавать рыбный промысел вредным или хищническим [30, с. 206–207] в тех случаях, когда: «1) общее количество вылавливаемой ежегодно рыбы превышает то количество, которое является естественным приростом данной породы рыбы в данном районе, вследствие чего общее количество рыбы год от года уменьшается. Такое вылавливание может обуславливаться двумя причинами: а) слишком большим увеличением числа промыслов и снастей; б) применением таких хищнических методов и орудий лова, которые уничтожают всю или почти всю рыбу данного района; 2) ставятся препятствия для естественного акта размножения рыбы (например, препятствуют проходным рыбам вход в реки); 3) благодаря устройству орудий лова (мелкой ячее сетей и т.п.) уничтожается молодь рыб».

Положения, разработанные П.Ю. Шмидтом, были учтены при разработке в 1908 г. новых Правил рыболовства. Наиболее значимым для вод Дальнего Востока, на тот момент, являлся

пункт о наличии препятствий для естественного размножения рыбы. Правила вступили в действие в 1911 г., получив статус закона, и действовали до середины 20-х гг.

Ниже приводится история возникновения природоохранных мер для тех дальневосточных видов гидробионтов, которые подвергаются эксплуатации не менее ста лет. Конкретные цифры уловов не приводятся, поскольку в достоверности количественных данных об уловах за 1880–1901 гг. сомневался еще П. Ю. Шмидт [30]. Сложно определить даже порядок цифр. Материалы за XIX в. содержат только денежные суммы, поступавшие в доход казны. Более поздние «Отчеты смотрителей рыболовства» и другие источники содержат таблицы, которые уже неоднократно публиковались [16, 19, 21, 27].

Ламинария японская и некоторые другие виды ламинарий в течение столетий использовалась в Китае в качестве приправы. Заготавливалась в сушеном виде. С 1878 г. компания Семенова и Дембри вела промысел в зал. Петра Великого и на Сахалине. Так как промышленники полагали, что морская капуста размножается «корешками», обязательным условием поддержания численности водорослей считалось сохранение камней с ризоидами и регулярная очистка дна бухты [24]. Через 40 лет эта, на первый взгляд, странная мера получила биологическое обоснование. В 1925 г. Е.С. Зинова [12] исследовала состояние запасов ламинарии и изложила свои соображения (с. 83): «Если сохранять часть черешков и ризоидов неповрежденной, то на следующий год от черешков отрастет новое слоевище… Споры, задержанные в щелях между ризоидами, легче прикрепляются на клейкой поверхности ризоидов».

Китайские добытчики заготавливали капусту низкого качества (однолетнюю, плохо просушенную) и продавали ее по демпинговым ценам. Все это сделало добычу ламинарии невыгодной для русских купцов. Ежегодная добыча однолетней ламинарии в одних и тех же бухтах приводила к полному исчезновению зарослей. Я.Л. Семенов предлагал запретить сбор 1-летней капусты и вести добычу на одном и том же участке раз в 2 года [32, ф. 702, о. 2. д. 198, л. 55–60]. Во «Временные правила…» 1899 г. вошло только первое предложение русских добытчиков. Партия, в которой обнаруживалась молодая капуста, подлежала уничтожению. Е.С. Зинова впоследствии также предложила разделять участки на эксплуатируемые и выростные.

Дальневосточный трепанг использовался в пищу и в качестве основы для приготовления лекарственных средств только в Китае. В Японии продажа трепанга была государственной монополией, до развития экспорта трепанга добывали только для храмовых жертвоприношений [27].

Китайский промысел трепанга в зал. Петра Великого существовал в течение многих столетий. Добытчики пешком добирались до бухты Экспедиции, далее частью пешком, а частью на лодках добирались до мест промысла [15]. Лов велся острогой или драгой, причем конструкция драги позволяла собирать со дна только не прикрепленные предметы [20]. Объем добычи сдерживала примитивность орудий лова (улов одной «манзовской лодки» не превышал 200 экз. в день). Сроки лова ограничивались периодом времени, в течение которого трепанги находятся на мелководье.

С 1891 г. японцы стали практиковать водолазный сбор трепанга. Летом 1893 г. член ОИАК С.И. Масленников по просьбе и на средства промышленника Шевелева исследовал водолазный промысел в Уссурийском заливе и пришел к выводу, что продуктивность этого метода в 10 раз выше, чем старинных китайских. Кроме того, водолазы имели возможность собирать неполовозрелых трепангов, недоступных драге и остроге [20]. Правилами 1899 г. водолазный сбор был запрещен. За сбор трепанга взимался налог в размере 6 руб. с одной лодки [7].

После заключения в 1907 г. российско-японской рыболовной конвенции добыча трепанга в зал. Петра Великого перешла в руки местных поселенцев. С 1918 г. водолазные аппараты стали широко использоваться на промысле трепанга [16]. Участки сдавались в аренду с тор-

гов. Эксплуатация одного и того же участка допускалась раз в 2 года [9]. Сведений о специальных исследованиях на эту тему в архивах Дальнего Востока не имеется. Возможно, что для поддержания численности трепанга просто использовали порядок, применявшийся русскими промышленниками для сохранения зарослей ламинарии. В 1930 г. И.Г. Закс «в соответствии с требованиями времени» показал, что запасы трепанга в зал. Петра Великого позволяют отказаться от «трехпольной» системы [11].

Камчатский краб первоначально добывался корейскими рыбаками в прибрежных водах Приморья и употреблялся корейцами в пищу в сушеном виде. С 1895 г. за добычу взимался налог в размере 26 руб. с лодки [26].

В 1908 г. в бухте Гайдамак зал. Петра Великого был запущен первый крабоконсервный завод. С этого времени интенсивность добычи резко возросла. Лов производился ставными сетями с размером ячеи 24 см, в которые попадали маломерные самцы и самки [18]. В 1925 г. Навозов-Лавров выяснил, что всего добытого краба свозят на берег, сортируют и используют в пищу только самцов с размером карапакса не менее 14 см. Самки, неполовозрелые особи и самцы непромысловых размеров при таком способе добычи гибли. В том же году Дальревком принял постановление, в соответствии с которым ловцы обязаны были сортировать краба в море, самок и мелких самцов выпускать живыми. Эти ограничения не претерпели изменений до настоящего времени.

Тихоокеанские лососи. Как уже говорилось, кета и горбуша составляли основу промышленного рыболовства Дальнего Востока. До начала интенсивного промысла все реки дальневосточного побережья в период хода лососевых были переполнены рыбой. Об этом сохранились многочисленные свидетельства первых путешественников и исследователей Камчатки, Амура, Уссурийского края и Сахалина.

Отношение местного населения к промыслу лососевых лучше всего характеризуется легендой, которую приводит В. К. Солдатов [29]: души рыб возвращаются в море, «в свою деревню» с тем, чтобы обрести телесную оболочку и на следующий год снова пойти в реки. Русские промышленники также были убеждены, что основной нерест у лососей происходит где-то в глубинах океана, откуда и появляются неисчислимые стада рыб, следовательно, запасы лососевых неисчерпаемы.

Первоначально исследователи не могли поверить в то, что тихоокеанские лососи нерестятся однажды в жизни. Солдатов настойчиво искал в американской литературе подтверждения того, что отнерестившиеся рыбы возвращаются в море. Первое квалифицированное обследование биологии тихоокеанских лососей выполнил П.Ю. Шмидт в 1901 г. [31]. Исследователь был поражен крайне низкой плодовитостью кеты и горбуши, вынужден был признать факт массовой гибели производителей после нереста. Вывод был таков: чтобы запасы лососевых оставались неизменными, промысел должен быть крайне слабым.

Правила 1994 г. [6] запрещали «лов близ устьев рек» и оговаривали разрешенные орудия лова, однако расплывчатая формулировка не давала никакого эффекта. В проекте правил 1899 г. предлагалось: 1) установить запретные сроки лова в период икрометания и заповедные пространства перед устьями рек и в устьях; 2) расстояние между соседними местами лова и от устьев до мест промысла: расстояние между неводами – 1,5 версты, для сельди – 1, от устьев – 2, для малых рек – 1 верста [7]. Предложенные ограничения лова были включены во «Временные положения о рыболовстве» 1901 г. [8] и с заменой верст на километры приблизительно в том же виде действуют до сих пор.

Проблемы зарождающейся российской рыбной промышленности стимулировали изучение биологии горбуши и кеты. В 1907–1913 гг., по просьбе и при финансовой поддержке рыбопромышленника Галенкова, ихтиолог В.К. Солдатов изучал состояние лососевых в бассейне Амура, на побережье южной части Охотского моря [29]. Была разработана программа изучения рыбных ресурсов Дальнего Востока. Для реализации программы в период с 1909 по

1918 гг. функционировала Дальневосточная экспедиция, в 1915–1917 гг. – Амурская ихтиологическая станция. Проводились эксперименты по искусственному разведению кеты, предлагалось объявить заповедниками нерестовые участки рек.

С началом гражданской войны субсидирование исследований прекратилось, но местные натуралисты и ученые, заброшенные на Дальний Восток волной эмиграции, продолжали работу [23]. Выяснился факт существования рас четных и нечетных лет у горбуши и кеты осенней формы. Но знание этих моментов биологии могло способствовать рациональному ведению промысла только в условиях политической и экономической стабильности.

К моменту стабилизации политической ситуации в России состояние запасов лососевых в низовьях Амура было катастрофическим. После исследования, проведенного в 1925 г. И.Ф. Правдиным, постановлением Дальревкома был запрещен промысел горбуши по нечетным годам в течение 8 лет [27]. Нерестовые участки ограждались от облова. В четные годы прекращался промысловый лов кеты в нижнем течении Амура и в Амурском лимане сроком на 5 лет. Запрещался также лов рыбы на нерестилищах, купля и продажа преднерестовой рыбы. Был утвержден список рек и озер, являющихся естественными питомниками лососевых. В нерестовых участках запрещался промысловый лов. Лов кеты и горбуши на незамерзающих ключах запрещался полностью. Было введено количественное нормирование добычи – 5 млн особей в год. Сама по себе эта цифра не являлась рыбоохранной мерой, так как, начиная с 1916 г., уловы лососевых в бассейне реки Амур были гораздо ниже [28]. Но впервые при введении природоохранных мер была предпринята попытка подхода к определению части запаса, которая может использоваться без нарушения запасов и воспроизводства промысловых видов в данном районе.

Тихоокеанская сельдь первоначально добывалась японскими рыбаками исключительно в присахалинских водах для производства тука и жира. Использование прибрежного леса на дрова привело к полному уничтожению лесов на побережье. Запасы сельди считались неисчислимыми [3, 23].

Первым ихтиологом, уделившим внимание изучению тихоокеанской сельди, был П.Ю. Шмидт, работавший на Сахалине летом и осенью 1901 г. В работе «Морские промыслы острова Сахалин» [31] им была описана биология этого вида, проанализирован промысел и рассмотрен вопрос его влияния на состояние запасов и сделан вывод, что в то время промысел не оказывал вредного влияния, поскольку использовались крупноячейные сети. Рыболовецкие участки располагались на расстоянии 5–8 верст друг от друга, и сельдь находила достаточно удобных мест для нереста вне района действия неводов. Общий вылов П.Ю. Шмидт оценивал в 5 млрд экз. в год. Запасы тихоокеанской сельди считались не меньшими, чем запасы атлантической сельди, общий вылов которой составлял 200 млрд экз. На основании этих сведений был сделан предварительный вывод о том, что промысел сельди нельзя считать «хищническим и угрожающим сохранению запасов сельди в море» [31].

Северный морской котик. История «Международной конвенции об охране северного морского котика» хорошо освещена в литературе [2, 13, 20].

С момента обнаружения котиковых лежбищ в 40-х гг. XVIII в. Второй камчатской экспедицией началась бесконтрольная добыча котиков любого пола и возраста русскими и американскими промысловиками на о-вах Командорских и Прибылова. С начала XIX в. Русско-Американская компания в связи с уменьшением количества зверя издала распоряжение бить только 3–4-месячных котиков. Началось поголовное истребление молодняка. Количество зверя, естественно, не увеличивалось. Менявшиеся правители Американской колонии приказом закрывали промысел на 2–4 года то на одном, то на другом острове. По истечении запрета управляющий компании докладывал, что численность котиков восстановилась, и бесконтрольный промысел продолжался.

В 1832 г. барон Врангель впервые ввел количественное ограничение промысла – Русско-Американской Компании разрешалось добывать 4 тыс. котиков в год. С 1871 г. монополия на добычу котиков перешла к компании «Гутчинсон, Кооль, Филиппиус и К^0». Была установле-

на первая рациональная мера регулирования добычи – разрешалось убивать только 2–3-летних самцов, поскольку у более молодых котиков пол неразличим [28]. По окончании сроков деятельности компании в 1881 г. началось массовое нашествие американских, канадских и английских шхун на котиковые лежбища. В 1891 г. правительство Америки добилось принятия международного соглашения об охране котиков в восточной части Берингова моря, что увеличивало размеры браконьерского промысла в русских водах во много раз [13, 20].

В 1892–1893 гг. зоолог Московского университета Н.И. Слюнин проводил исследования на Камчатке и Командорских островах. В результате изучения морфологии и путей миграций котиков было выяснено, что беременные самки первыми покидают лежбища и направляются к местам нагула и основная причина постоянного снижения численности – добыча животных в открытом море. Это открытие было принято во внимание Межведомственной комиссией по охране котиков в 1895 г. Но понадобилось еще 16 лет усилий ученых, промышленников и дипломатов, чтобы Россией, США, Канадой и Японией была подписана конвенция [2, 13], запрещавшая охоту на котиков в Тихом океане к северу от 30^0 с. ш.

Заключение

В России до начала XX в. не применялось количественное регулирование лова. Не было ограничений на добычу организмов определенного размера, стадий развития, пола, за исключением морских котиков. Основной охранной мерой служил запрет на применение орудий лова. Кроме того, на Дальнем Востоке, где рыболовные угодья никогда не были частной собственностью, рыболовные участки могли быть закрыты для эксплуатации по усмотрению администрации.

Таким образом, попытки контроля состояния запасов водных биоресурсов дальневосточных морей России с целью их рациональной эксплуатации предпринимались с начала развития промыслов. Охранные меры носили первоначально фискальный, затем превентивный характер. К 1910 г. обозначился рациональный (природоохранный) подход к запасам. Промышленники и правительство стали выделять средства на изучение добываемых видов. Правила рыболовства вырабатывались на основании изучения реальной ситуации. Сложилась структура органов рыбоохраны, способная обеспечить контроль соблюдения Правил рыболовства.

Список литературы

1. Бражников В.К. Отчет заведующего рыбными промыслами // Рукопись. 1907. РГИАДВ, ф. 702, о. 2, д. 190, л. 207–360.

2. Вайнер Д. Экология в Советской России. М.: Прогресс, 1991. 400 с.

3. Варпаховский Н.А. Рыбный промысел в водах Сибири // Вестн. рыбопромышленника. 1892. № 6–9. С. 220–250; 306–332.

4. Веденский М.С. О необходимости охраны китового и других морских промыслов в наших северо-восточных водах // Приамурские ведомости. 1894. № 11.

5. Веденский М.С. Морские промыслы в Приамурском крае // Приамурские ведомости. 1895. № 20.

6. Временные правила для производства морских промыслов в водах Приморской области // Приамурские ведомости. 1894. № 51.

7. Временные правила для производства морских промыслов в водах Приамурского генерал-губернаторства // РГАДВ, 1899, ф. 702, о. 2, д. 163.

8. Временные положения о рыболовстве в территориальных водах Приморской области // РГАДВ, 1901, ф. 702, о. 2.

9. Журналы совещания рыбопромышленников Дальнего Востока. Хабаровск, 1909.

10. Журналы совещания рыбопромышленников Дальнего Востока. Хабаровск, 1912.

11. Закс И.Г. Сырьевые запаса трепанга в дальневосточных морях // Рыб. хоз-во Дальнего Востока. 1930. № 2. С. 37–40.

12. Зинова Е.С. Морская капуста (*Laminaria*) и другие водоросли, имеющие промысловое значение // Изв. ТОНС. Т. 1, вып.1. С. 77–112.

13. Иванов А.А. Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Научный диалог. 2019. С. 221–236.

14. Курмазов А.А. Прибрежное рыболовство Приморья // Изв. ТИНРО. 2000. Т. 127. С. 3–19.

15. Лакшевич К.А. Морские промыслы побережья Приморской области от корейской границы до Императорской Гавани // Приамурские ведомости. 1894. № 32.

16. Левин В.С. Дальневосточный трепанг. Владивосток, 1982. С. 155–175.

17. Ляпушкин С.Н. Хищнический промысел и контробанда морских биоресурсов в конце XIX – начале XX века // Вестн. Таможенной академии. 2010. № 3. С. 60–68.

18. Навозов-Лавров Н.П. Материалы по этиологии и по промыслу краба в зал. Петра Великого // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток. Вып. 4 (Животный мир. Владивосток). С. 181–211.

19. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994. 192 с.

20. Масленников С.И. О трепанговом промысле в водах Уссурийского залива // Зап. ОИАК. 1894. Т. 4. С. 1–13.

21. Масленников С.И., Кашин И.А., Левин В.С. Промысел и воспроизводство камчатского краба у берегов Приморья // Вестн. ДВО РАН. 1999. № 3. С. 100–106.

22. О рыбном промысле в Приморской области и на острове Сахалине. Хабаровск, 1903. 42 с.

23. Отчеты Владивостокского географического общества. 1917–1923 гг.

24. Семенов Л.Я. Промысел морской капусты в Японском море // Зап. ОИАК. 1885.

25. Пальчевский Н.А Очерк крабового промысла в Сучанском лесничестве // Приамурские ведомости. 1894. № 37.

26. Пальчевский Н.А. Личные наблюдения водных промыслов острова Хоккайдо. Сочинение японца Такао (Метинори) Хоккен // Зап. ОИАК. 1897. Т. 6. С. 1–97.

27. Правдин И.Ф. Материалы по рыбопромысловому исследованию Дальнего Востока. Л., 1926. 42 с.

28. Слюнин Н. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1895. 117 с.

29. Солдатов В.К. Исследование биологии лососевых Амура // Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1915. Вып. 7.

30. Суворов В.И. Гибель русских окраин // Голос родины. 1921. оттиск.

31. Шмидт П.Ю. Рыбные промыслы о. Сахалин // Рыбные промыслы Дальнего Востока. СПб., 1905. Вып. 1.

32. РГИАДВ (Российский государственный архив Дальнего Востока):
ф. 702, о. 2, д. 49;
ф. 702, о. 2, д. л. 2–10;
ф. 702, о. 2, д. 190, л. 409–412;
ф. 702, о. 2, д. 163;
ф. 702, о. 2, д. 198, л. 55–60.
ф. 702, о. 2, д. 31;
ф. 702, о. 2, д. 214.

© Смирнова Е.В., 2021

Для цитирования: Правила рыболовства в российских водах дальневосточных морей в начальный период освоения биоресурсов // Научные труды Дальрыбвтуза. 2021. Т. 55, № 1. С. 67–75.

Статья поступила в редакцию 16.03.2021, принята к публикации 23.03.2021.